

Теория и практика «политического исихазма» в России в XXI веке

Theory and practice of "political Hesychasm" in Russia in the XXI century

Wojciech Słomski

Akademia Ekonomiczno – Humanistyczna w Warszawie, Polska

 0000-0003-1532-0341

 slomski@autograf.pl

Abstract: The article is devoted to the revival of the so-called “political hesychasm” in the Russian Federation in the 21st century. The key document defining the church’s attitude to politics, society and the state is the “Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church”, adopted at the Church Council in 2000. The purpose of this article is to clarify the conception of “political hesychasm” by analyzing the “Fundamentals of the Social Concept” and researches published on the issue, as well as to assess the implementation of this conception to modern political and social processes, through comparative and component analysis. The Concept seemed revolutionary for the Russian traditions of relations between church and state. For example, if the state causes citizens to sin, they are called upon to engage in civil disobedience against the sinful state. Participation in government and political activities is permitted only if these activities do not contradict the Christian faith. However, in practice, as the authoritarian regime in Russia strengthened, the Moscow Patriarchate, contrary to its social concept, became dependent on the authoritarian regime and began ideologically serving the political authorities, which contradicts not only hesychasm, but also the very essence of Christianity.

Streszczenie: Artykuł poświęcony jest odrodzeniu tak zwanego „hezychazmu politycznego” w Federacji Rosyjskiej w XXI wieku. Kluczowym dokumentem określającym stosunek Cerkwi do polityki, społeczeństwa i państwa są „Podstawy koncepcji społecznej Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej”, przyjęte na Soborze Cerkiewnym w 2000 roku. Celem niniejszego artykułu jest wyjaśnienie koncepcji „hezychazmu politycznego” poprzez analizę „Podstaw koncepcji społecznej” i badań opublikowanych na ten temat, a także ocena zastosowania tej koncepcji do współczesnych procesów politycznych i społecznych poprzez analizę porównawczą. Koncepcja ta wydaje się rewolucyjna dla rosyjskich tradycji stosunków kościelno-państwowych. Na przykład, jeśli państwo zmusza obywateli do grzechu, są oni wzywani do obywatelskiego nieposłuszeństwa wobec grzesznego państwa. Udział w działaniach państwowych i politycznych jest dozwolony tylko wtedy, gdy działania te nie są sprzeczne z wiarą chrześcijańską. Jednak w praktyce, w miarę nasilania się autorytarnego reżimu w Rosji, Patriarchat Moskiewski, wbrew swojej koncepcji społecznej, stał się zależny od autorytarnego reżimu i zaczął ideologicznie służyć władzy politycznej, co jest sprzeczne nie tylko z hezychazmem, ale także z samą istotą chrześcijaństwa.

Аннотация: Статья посвящена возрождению так называемого «политического исихазма» в Российской Федерации в XXI веке. Ключевым документом, определяющим отношение церкви к политике, обществу и государству, являются «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые на Церковном Соборе в 2000 году. Целью данной статьи является уточнение понятия «политический исихазм» путем анализа «Основ социальной концепции» и опубликованных по этой проблеме исследований, а также оценки применения этой концепции к современным политическим и социальным процессам помощью сравнительного и компонентного анализа. Концепция выглядит революционной для российских традиций взаимоотношений церкви и государства. Например, если государство заставляет граждан грешить, они призываются к гражданскому неповиновению грешному государству. Участие в государственной и политической деятельности допускается только в том случае, если эта деятельность не противоречит христианской вере. Однако на практике по мере усиления авторитарного режима в России Московский Патриархат, вопреки своей социальной концепции, попал в зависимость от авторитарного режима и стал идеологически обслуживать политическую власть, что противоречит не только исихазму, но и самой сути христианства.

Keywords: church-state relations, Moscow Patriarchate, political hesychasm, Russian Orthodox Church

Słowa kluczowe: Rosyjski Kościół Prawosławny, Patriarchat Moskiewski, stosunki kościelno-państwowe, hezychazm polityczny

Ключевые слова: церковно-государственные отношения, Московский Патриархат, политический исихазм, Русская православная церковь

Cite this article: Słomski, W., (2024). Теория и практика «политического исихазма» в России в XXI веке. *Elpis*, 26: 157-169.

Cytowanie: <https://doi.org/10.15290/elpis.2024.26.13>

Licencja: Copyright (c) 2024 Wojciech Słomski
Licence:

Введение

Падению коммунизма в конце 1980-х – начале 1990-х годов предшествовал кризис коммунистической идеологии. Посткоммунистические страны в Европе обратились к своей христианской традиции в поисках идеологического обоснования своей новой государственности. Вместе

с тем, для большинства европейских национальных государств в Европе, в том числе и преимущественно православных, европейская интеграция представлялась совершенно естественным выбором и стала стратегической целью развития, хотя консервативные ценности православного христианства плохо сочетаются с либеральными секулярными ценностями, лежащими в основе интеграционных процессов.

На более трудном идеологическом перепутье оказалась Россия, которая сформировалась как имперское, наднациональное государство, слишком большое и многообразное для того, чтобы стать частью Европейского Союза, и слишком нелиберальное и неевропейское для того, чтобы принять ценности европейской интеграции. Как и многие другие страны «социалистического лагеря», Российская Федерация обратилась к своему христианскому наследию. В русской православной традиции можно найти как общехристианские, европоцентристские, «западнические» идеологические установки, так и антизападные, консервативные, «почвеннические» концепции и доктрины, противопоставляющие самобытную православную цивилизацию, византийскую по происхождению, западноевропейскому миру. Самым удобным идеологическим обоснованием для подобных противопоставлений стал так называемый «политический исихазм».

Прежде всего, не следует смешивать «политический исихазм» как политическую и социальную концепцию с поздневизантийским исихазмом как религиозно-философским учением и духовной практикой. Само понятие «политического исихазма» нуждается в уточнении и экспликации, в особенности, в контексте современных политических и социальных процессов. Кроме того, из приверженности «политическому исихазму», декларируемой Русской православной церковью, православными богословами и парацерковными деятелями, необязательно следует деятельность по практической реализации этой концепции. Как часто бывает в подобных вопросах, дела могут расходиться со словами.

Основные положения «политического исихазма», затрагивающие вопросы внутренней и внешней политики, церковно-государственных отношений, современных социальных институтов и их функционирования, изложены в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» - церковном документе, принятом Архиерейским собором в 2000 году.

Целью данной статьи является уточнение концепции «политического исихазма» путем анализа «Основ социальной концепции» и научных публикаций, посвященных данной теме, а также оценка практического применения этой концепции к современным политическим и социальным процессам.

1. Предпосылки и условия принятия «Основ социальной концепции»

Крах коммунистических режимов в странах Восточной и Южной Европы, где проживает подавляющее большинство православных верующих и находятся самые крупные и влиятельные автокефальные православные церкви, неизбежно поставило вопрос о выстраивании новой системы церковно-государственных отношений.

В основе коммунистической идеологии лежит так называемый «научный атеизм» – доктрина, претендующая на научно обоснованное отрицание существования Бога и всего сверхъестественного. Идеологический антагонизм между церковью и государством разрешался путем репрессий, которые сменялись периодами послаблений, когда коммунистическим режимам необходимо было использовать церковные организации в качестве инструмента своей внутренней или внешней политики.

Примером такого отступления от репрессивной политики может послужить сталинская политика в 1943-1948 годах (Vasil'yeva, 2001). В 1943 году в Советском Союзе впервые с 1917 года был созван Поместный собор Русской православной церкви (РПЦ), который послушно избрал на патриарший престол угодного Сталину и лояльного коммунистического режиму Сергия Страгородского. Новоизбранный Патриарх Московский и всея Руси восстановил около трети от дореволюционного числа церковных приходов, возобновил монастырскую жизнь, начал издавать «Журнал Московской Патриархии» (Antonyuk, 2017). Очевидно, Сталину церковь понадобилась для улучшения отношений с США и Великобританией, противодействия политике германских оккупационных властей на оккупированных территориях России, Украины и Беларуси, а также для реализации своих утопических мессианских имперских планов по отвоеванию Константинополя и обретению славы всемирного покровителя и защитника православия.

Хотя такая политика продолжалась недолго и сменилась новыми волнами репрессий, православные верующие почувствовали облегчение, а церковные иерархи обрели некий устойчивый

modus vivendi с атеистическим политическим режимом (Soskovets, 2008). Эти послабления не позволили церкви стать окончательно общиной мучеников, бескомпромиссно отвергающей безбожное государство, как раннехристианские мученики отвергали язычество Римской империи, а возвращенные из сталинских лагерей измученные пытками православные священники – участники Собора 1943 года – мало напоминали участников Первого Никейского собора 325 года со шрамами и рубцами от ран, нанесенных гонителями христианства в недалеком прошлом. В результате таких «качелей» в репрессивной политике был установлен жесткий тоталитарный контроль за всеми аспектами церковной жизни в Советском Союзе, Румынии, Болгарии и Югославии – крупнейших православных государствах мира.

Посткоммунистические государства взяли курс на построение либеральной демократии западноевропейского образца на основе ценностей прав человека, включая свободу совести, и светского государства, в котором церковь отделена от государства. Следует подчеркнуть, что ни одна из крупных православных церквей не имела исторического опыта длительных взаимоотношений с либеральным демократическим государством и не имела единой позиции, как относиться к либеральному демократическому политическому режиму.

В этом отношении интересен опыт Элладской православной церкви в Греции – крупнейшем православном государстве за пределами «коммунистического лагеря». Любой прозападный политический режим, вне зависимости от степени своей демократичности, вызывал оппозиционные настроения в этой церкви. Так, в период авторитарного режима «черных полковников» (1967-1974) церковь зачастую поддерживала левых оппозиционных политиков, включая греческих социалистов и коммунистов, что для любой христианской организации в Европе показалось бы противоестественным (Woodhouse, 1985). Во всем греческом православии проявлялись разногласия по политическим вопросам между сторонниками западной демократии, сближения с римско-католической церковью, европейской интеграции на основе либеральных ценностей с одной стороны, и антизападными сторонниками «особого пути» развития Греции на основе православных традиционных ценностей – с другой. Доктринальной и концептуальной основой антизападничества в Греции служил исихазм. Главным оплотом исихазма на всем протяжении греческой истории являлось Автономное монашеское государство Святой Горы (Афон), которое осталось под юрисдикцией Константинопольского патриарха. Фактически, святогорские старцы продолжили традиции поздневизантийского «политического исихазма» XIV-XV веков, концентрированную суть которого можно выразить словами «Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара» (Lebedev, 2004). Такая же амбивалентность по отношению к западному католическому миру проявлялось в болгарском, румынском, русском и сербском православии, вне зависимости от политических предпочтений и внешнеполитических ориентаций правительств этих государств в разные исторические периоды.

В РПЦ эта тенденция проявлялась как в имперский, так и в советский период русской истории. Крах коммунистической идеологии и включение России в процесс глобализации с его ценностями прав человека, рыночной экономики и демократической политической системы был воспринят значительной частью русских православных как простая смена коммунистического универсализма на неолиберальный универсализм. Довольно много авторов указывало на то, что стремительный процесс глобализации вызвал обратную реакцию со стороны этнических, конфессиональных и региональных общностей в виде роста антиглобализма, национал-консерватизма, сепаратизма, стремления к автаркии и изоляционизму. Россия не стала исключением из указанной закономерности.

Эта тенденция усиливалась стремлением русского народа «вернуться к своим истокам», возродить свою традиционную культуру после длительного господства наднациональной коммунистической идеологии, которая целенаправленно стремилась к унификации всех национальных культур и их переплавки в единую «советскую культуру» единого «советского народа». Со стороны нерусских народов бывшего Советского Союза это стремление носило последовательный характер и выразилось в активном строительстве своих собственных национальных государств. Положение русского народа оказалось двойственным, так как русские были «государствообразующим» народом, «становым хребтом» наднационального имперского государства, как дореволюционной Российской империи, так и советской империи. В религиозной сфере это проявлялось в наднациональном статусе РПЦ, которая распространяла свою юрисдикцию на большинство бывших советских республик с преобладающим православным населением – Украину, Беларусь и Молдову. Единственным исключением стала Грузинская православная церковь, которой сталинский режим даровал автокефалию

в 1943 году (*“Vozobnovlenije molitvenno-kanonicheskogo obshchenija...”, 1944*), хотя с 1811 года грузинская церковь имела статус экзархата в составе РПЦ (Rapp, 2007).

Все указанные тенденции поставили РПЦ в довольно сложное положение в вопросах политики и социальной жизни. Требовалось выработать доктрину, исходящую из реалистичного понимания места религии и Церкви в новой светской и демократической России и определяющую отношение русского православия к всемирным процессам глобализации и секуляризации. Другим обстоятельством, диктовавшим необходимость выработки единого понимания социальных и политических процессов, стали разногласия внутри церковной иерархии по данным вопросам. Православное духовенство в России представляло широкий спектр политических взглядов – от леворадикального либерализма до великоросского имперского шовинизма и ультранационалистических доктрин, близких к неофашизму и интегральному традиционализму Юлиуса Эвола.

В декабре 1994 года Архиерейский Собор РПЦ признал необходимость создания официального документа, отражающего взгляд Церкви на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом. Для разработки проекта такого документа было поручено Священному Синоду создать рабочую группу, состоящую из архиереев и клириков РПЦ, профессоров духовных школ и сотрудников синодальных отделов, которая начала свою деятельность с января 1997 года.

На заседаниях Синодальной рабочей группы был выработан проект социальной концепции Церкви, который затем был рассмотрен и одобрен на заседании Священного Синода 19 июля 2000 года. Одобренный документ получил название «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Состоявшийся 13-16 августа 2000 года Юбилейный Архиерейский Собор РПЦ постановил «утвердить «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», излагающие базовые положения её учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем (*Yubileynyu Arkhiereyskiy Sobor...», 2001*). Считать данный документ отражающим официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом» (*Opredeleniye...», 2000*).

Кроме того, Архиерейский Собор определил «синодальным учреждениям, епархиям, монастырям, приходам и другим каноническим церковным подразделениям, а также клирикам и мирянам руководствоваться «Основными принципами социальной концепции» во взаимоотношениях с государственной властью, различными светскими объединениями и организациями, внецерковными средствами массовой информации. Употреблять указания данного документа в пастырской практике, связанной с новыми явлениями жизни общества. Полагать полезным принятие церковным Священноначалием на основе этого документа определений по различным более конкретным вопросам» (*Opredeleniye...», 2000*).

Таким образом, впервые в истории православия РПЦ подготовила и опубликовала официальный церковный документ, в котором представлена упорядоченная система православного социального и политического учения. В этом документе содержатся наставления, касающиеся отношения христиан к гражданским обязанностям, политической власти, экологическим проблемам, новым медицинским технологиям (абортам, эвтаназии, трансплантации человеческих органов, вспомогательным репродуктивным технологиям).

2. Содержание концепции «политического исихазма» в современном русском православии

В Российской империи РПЦ длительное время оправдывала любые действия власти, приспосабливаясь к «царству кесаря своего времени» (Verdyayev, 1990, s.140). Фактически, имперская власть использовала Церковь для идеологического обоснования своего господства и оправдания любого социального зла. Православных христиан, подданных империи, призывали к смирению и покорности, так как «Несть бо власть, аще не от Бога» (Рим. 13:1). Православные богословы время от времени декларировали необходимость более бояться Бога, чем властей. Святитель Тихон Задонский (1724-1783) указывал: «Хотя от христиан-начальников и не должно ожидать, чтобы они противное Богу и закону Божию приказывали, однако, поскольку все в мире случается, и как видим в историях, то, когда начальник приказывает что-либо противное Богу, не слушай его. Ибо этому и сама совесть учит, и Божие Слово говорит об этом: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели

Бога?» (Деян.4:19). И еще: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29)» (Tikhon Zadonskiy, 2023).

В силу упомянутых традиций идеологизации вероучения РПЦ, большой интерес вызвал раздел «Концепции» о церковно-государственных отношениях. Наибольший общественный резонанс произвело следующее положение, содержащееся в разделе «Церковь и государство»: «Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь: совершать дело спасения людей в любых условиях и при любых обстоятельствах. Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху». В случае возникновения конфликтной ситуации церковное руководство оговаривает за собой право не только диалога с государственной властью по возникшей проблеме, но и право «призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению» (*Osnovy sotsial'noy kontseptsii...*, 2000).

Провозглашенный Церковью принцип неповиновения был расценен многими как революционный тезис, преодолевающий абсолютность требования признать «всякую власть от Бога». Возможность призыва к гражданскому неповиновению воспринималась даже как «богословский ультиматум» церкви высшей политической власти, что противоречило курсу Владимира Путина на централизацию власти и государственного управления (Smirnov, 2000).

С одной стороны, православные богословы настаивают на необходимости уважать власть и любить свое Отечество. В этом они основываются на Ветхом Завете, так как Сам Всевышний является вождем Израиля, у которого с Ним был заключен союз. Во времена Моисея народ израильский получил от Бога законы, которые он обещал почитать и выполнять. Повиноваться закону тогда означало повиноваться самому Богу. Кроме того, в учении Апостола Павла православные авторы усматривают указания на божественное происхождение власти. Речь идет о вышеупомянутом отрывке из Послания к Римлянам: «Ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). Однако, обожествление не распространяется на носителя власти, «ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро» (Рим. 14:4).

С другой стороны, апостолы оговаривают выполнение требований власти определенными условиями. «Власть, по апостолу, существует для определенного назначения, определенного морального призвания, а не сама для себя, как самодостаточное начало. И только в силу этого назначения, этого призвания она имеет значение. Задача власти обеспечить общественную справедливость, порядок, необходимые для существования людского общества, поскольку она ограничивает проявления зла, делающие это существование невозможным. ... Государственная власть имеет нравственное значение и действительную силу постольку, поскольку она связана с началами права и справедливости, поскольку «начальник не напрасно носит меч», поскольку он действует на «пользу» народов, а не на вред, поскольку он «добрый слуга на добро». Признание государства обуславливается у апостолов объективными, нравственными основаниями» (Fioletov, 2000, s.212).

Православный христианин должен повиноваться, прежде всего, Богу, а если власть противится воле Божией, то христианин вправе отказать от подчинения такой власти. Апостолы Петр и Иоанн на требование Синедриона «ничего не произносить и не учить на основании имени Иисуса» (Деян. 4:18) отвечали: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» (Деян. 4:19). Епископ Кассиан, православный экзегет и переводчик Нового Завета, подчеркивал, что христиане «имеют единого Господа - Христа, что двум господам они служить не могут, и что, пред лицом Христовым, государство не может оправдать своей власти над их душами и даже над их телами. И, когда возникает разногласие между Божиим и кесаревым, христианину остается только одно: оказать послушание Богу и отказать в послушании кесарю» (Kassian (Bezobrazov), 2001, s.52-53).

Важно не только декларировать саму возможность неповиновения церкви государству, но и рассмотреть исторические примеры подобного сопротивления православной церкви государственной политике. Таких примеров в истории церкви насчитывается множество, например, неповиновение требованиям языческих властей Римской империи поклоняться императорам как богам, сопротивление императорам-иконоборцам в VIII-IX веках, непризнание Лионской унии 1274 года вопреки воле византийских императоров (MacGillivray, 1971).

Самым важным случаем неповиновения воле государства является период богословских споров в Византийской империи после Флорентийской унии в 1439-1453 годах. Именно в этот период исихазм не только оформился в целостное мистическое богословие, но и заявил о себе как о политической философии и политической идеологии. Вопрос об унии с римско-католической церкви несомненно относился к политике Византийской империи, так как императоры рассчитывали получить с запада военную помощь в борьбе с турками-османами. Исихасты допускали унию только как союз двух равноправных сторон, выступая тем самым против желания императора осуществить простое подчинение византийской церкви Римскому престолу. Но, вопреки желаниям высшего духовенства, Флорентийская уния 1439 года была заключена на условиях Рима в полном соответствии с планами императора Иоанна VIII.

Византийский император лично отбирал участников делегации на Ферраро-флорентийский собор из иерархов, наиболее послушных имперской власти (Pashkin, 2006, s.355-362). В результате, вся византийская делегация, за исключением монаха-исихаста Марка Эфесского, согласилась с подчинением римско-католической церкви, подписав орос об объединении Западной и Восточной церквей. При этом большинство участников, скорее всего, понимало политические причины объединения церквей и отказа от чистоты православного вероучения во имя спасения Византийской империи от османского завоевания.

Исихасты также признавали османскую угрозу, но предлагали другие подходы к отражению агрессии. В частности, предлагалось создать оборонительный союз православных государств и организовать православный «крестовый поход» против иноверцев для упреждения агрессии (Litavrin, Medvedev, 1991, s.352-353). Но императорская светская власть больше надеялась на помощь западных католических государств (Halecki, 1930, p.235-260).

После возвращения в Константинополь Марк Эфесский начал активно выступать против унии и союза с «латинянами». Даже заточение в тюрьму, по приказу императора, не заставило Марка Эфесского прекратить проповедь против униатов. Его поддержало монашество, в особенности, афонские монахи. Из монастырей Святой Горы и иных византийских монастырей были изгнаны униаты и их сторонники (Udal'tsova, 1976, s.82). Для того, чтобы справиться с сопротивлением церкви, император в 1440 году назначил патриархом униата Митрофана II, который вскоре отрекся от патриаршего престола и умер. Следующий патриарх Григорий III Мамма, также сторонник унии, в 1450 году сбежал из Константинополя в Италию. Церковь осталась без предстоятеля, так как император не мог выдвинуть еще одного патриарха-униониста из-за давления со стороны духовенства и прихожан. Вместе с тем, интронизация противника унии также не рассматривалась, так как император все еще надеялся на военную помощь со стороны католиков.

Во время осады Константинополя турками-османами император Константин XI повелел отслужить в храме св. Софии католическую службу, рассчитывая тем самым побудить Римского папу отправить войска для снятия осады столицы империи. Помощь не пришла, а византийцы смотрели теперь на храм св. Софии как на оскверненный императором, окончательно отступившим от православной веры.

Возглавивший после смерти Марка Эфесского оппозицию Геннадий Схоларий призвал православных не выполнять распоряжений императорской власти. Дело дошло до того, что в осажденном городе начались столкновения между ортодоксально настроенными византийцами и сторонниками унии, причем полицейские функции выполнял отряд из 700 человек во главе с генеральным консулом венецианцев.

Многие жители Константинополя сдались туркам без боя, отказавшись, тем самым, выполнить призыв императора принять участие в обороне. Они предпочли оказаться под властью турецкого султана, чем вновь вернуться во времена Латинской империи. Геннадий II Схоларий (1454-1456) стал первым патриархом в завоеванном турками Царьграде. Османский султан Мехмед II (1451-1481), покоритель Константинополя, объявил себя наследником византийских императоров и принял титул «Кайсер-и-Рум», то есть «ромейский император» (Gradeva, 1990). Многие православные византийцы считали Мехмеда II восстановителем Византийской империи, законным наследником византийских императоров, так как поначалу османы проявляли терпимость по отношению к христианам.

Таким образом, в последние годы существования Византийской империи церковь противостояла государству и даже вступила с ним в открытое противоборство. Идеологической основой для такого противостояния стал исихазм. Исихазм, представляющий собой богословское учение и духовную практику, намного шире политологического понятия «идеология». Следует учитывать, что

в средневековом обществе религия неизбежно выполняла идеологическую функцию, будучи преобладающим мировоззрением, пронизывающим все сознание и все сферы деятельности человека. Религиозные деятели вынуждены были, даже нехотя, реагировать на политические события и публично высказывать свое мнение по политическим вопросам. Ярким примером такого неохотного вовлечения в политику как раз и является исихазм. Зародившись в тиши келий и отдаленных скитов, исихазм длительное время развивался как малоизвестная и малопонятная мистическая практика, и только в XIV веке стал публично отстаиваемым богословским учением, которое оформилось в ходе богословских споров с варлаамитами. Фактически, исихасты не стремились к политической власти, а действовали реактивно, защищая чистоту православного вероучения от угрозы со стороны униатов.

Константинопольские патриархи-исихасты были убеждены в абсолютном превосходстве Церкви над царством кесаря. Отсюда и стремление патриархии руководствоваться в своей политике интересами православия, а не интересами гибнущей Византийской империи. О превосходстве Церкви над государством говорится и в социальной доктрине Московского патриархата.

Социальное учение Русской Православной Церкви рассматривает Церковь как богочеловеческий организм, соединяющий в себе два естества – божеское и человеческое. Церковь является единой природой, состоящей из верующих во Христа, соединенной с самим Иисусом Христом, посредством действия Святого Духа. В этом желаемом соединении во Христе раскрывается главное значение Церкви для человека. Именно через нее, посредством таинства Евхаристии, происходит соединение человеческой природы с Божественной природой Иисуса Христа.

Земное государство, в отличие от Церкви, не рассматривается как установленная Богом реальность, но как предоставленная Богом возможность для людей устроить свою общественную жизнь, исходя из своего свободного волеизъявления. Социальная доктрина Русской Православной Церкви содержит в себе понимание принципиального различия природы Церкви и государства. Подчеркивается, что «Церковь основана непосредственно Самим Богом - Господом нашим Иисусом Христом; богоустановленность же государственной власти являет себя в историческом процессе опосредовано ... государство есть часть «мира сего», оно не имеет части в Царстве Божиим, ибо там, где Христос «все и во всем» (Кол. 3.11), нет места принуждению, нет места противопоставлению человеческого и Божия, а следовательно, нет там и государства» (*Osnovy sotsial'noy kontseptsii...*, 2000).

Целью церковного служения на земле объявляется спасение мира и человека. Для осуществления своей спасительной миссии Церковь «вступает во взаимодействие с государством, даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и с отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой» (*Osnovy sotsial'noy kontseptsii...*, 2000).

Сотрудничество Церкви и государства возможно в поддержании мира на земле, сохранении нравственного облика общества, сотрудничестве в духовном, культурном, нравственном и патриотическом воспитании и образовании, а также в делах милосердия и благотворительности. В «Основах социальной концепции» указывается, что идеальные условия для сотрудничества Церкви и государства возможны только в государстве православном, то есть признающим православие величайшей народной святыней.

По мнению авторов социальной концепции, попытка выработать такие идеальные формы сосуществования государственной и церковной власти была предпринята в Византийской империи, где привилегированное положение православной Церкви было закреплено государственными законами империи. Речь идет о принципе симфонии Церкви и государства (Migunova, Romanovskaya, 2013). «Государство при симфонических отношениях с Церковью ищет у нее духовной поддержки, ищет молитвы за себя и благословения на деятельность, направленную на достижение целей, служащих благополучию граждан, а Церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для проповеди и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства» (*Osnovy sotsial'noy kontseptsii...*, 2000).

В рассматриваемом документе также утверждается, что Русская Православная Церковь поощряет активное участие православных мирян в деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти, политических и общественных организациях. При этом вводится существенная оговорка, касающаяся того, что эта деятельность должна соответствовать вероучению Церкви. Например, если государство развязывает агрессивную войну против единоверцев, что явным образом противоречит христианскому учению, то такое участие недопустимо.

В «Основах социальной концепции» политический исихазм явным образом проявляется в вопросах внешней политики и международных отношений. Проводятся непрозрачные параллели между противостоянием поздневизантийского исихазма западному католическому влиянию в форме унии и противостоянием современной РПЦ Западной цивилизации, олицетворяющей собой процессы глобализации и секуляризации. В частности, в документе указывается, что «многие положительные плоды глобализации доступны лишь нациям, составляющим меньшую часть человечества, но имеющим похожие экономические и политические системы». Нет никаких оснований сомневаться, что имеется в виду «коллективный Запад».

В целом, можно выделить следующие ключевые положения поздневизантийского «политического исихазма», актуальные для современной социальной доктрины РПЦ:

- 1) приоритет Царства Божия над царством кесаря, Церкви над государством;
- 2) автономия церковной власти;
- 3) сохранение единства и вселенского характера Константинопольского патриархата;
- 4) приоритет ромейского империализма над греческим национализмом;
- 5) проповедь православного ойкикуменизма;
- 6) признание возможности поддержки государства только в случае верности последнего христианским ценностям;
- 7) противостояние католическому идеологическому и западноевропейскому политическому и экономическому влиянию.

Здесь следует оговориться, что принцип приоритета Церкви над государством существенным образом отличается от римско-католического принципа абсолютного примата папства над любой светской властью и над решением соборов. Во-первых, решения Поместных соборов РПЦ превыше воли патриархов, которые считаются всего лишь «первыми, предстоящими пред Богом» в длинном ряду православных христиан, откуда происходит их звание «предстоятель». Во-вторых, приоритет Церкви над государством признается только в духовной сфере, в рамках концепции «симфонии Церкви и государства», тогда как папы римские претендовали на абсолютную власть над любым государством, начиная с буллы «Unam Sanctam» 1302 года (Curley, 1927).

Идея ромейского империализма также близка и понятна российским православным имперцам. В византийской элите были широко представлены многие народы империи – славяне, каппадокийцы, армяне, пафлагонцы, галаты, сирийцы и другие. Их объединяла власть императора, греческий язык и православие. Сторонники имперского государства в современной России также любят подчеркивать тюркское, украинское, польское, немецкое, грузинское, армянское в общем, нерусское происхождение большинства элиты Российской империи до 1917 года.

Вселенскому характеру Константинопольского патриархата и православному ойкикуменизму соответствует стремление Московского патриархата к сохранению своего контроля над православными приходами не только Российской Федерации, но и Украины, Беларуси, Молдовы, Польши, Чехии, Словакии, Эстонии, Финляндии и иных стран, включая все постсоветские страны с преобладающим неправославным населением. По сути, РПЦ претендует на особый наднациональный статус.

В 2007 году при активном содействии российской светской власти и лично президента Владимира Путина произошло объединение РПЦ Московского патриархата с так называемой непризнанной и неканонической «Русской православной церкви за рубежом» (РПЦЗ) – наследницей православных иерархов, вставших на сторону «белых» и занявших непримиримую позицию по отношению к большевикам и коммунистическому режиму в СССР. Акт о каноническом общении между двумя церквями был торжественно подписан 17 марта 2007 года (Aleksiy II, 2007). До подписания акта Московский патриархат признал причисление к лику святых последнего российского императора Николая II и членов его семьи (в чине страстотерпцев), казненных большевиками в 1918 году (Ketner, 2021). Эти события преподносились в российских средствах массовой информации как историческое примирение «красных» и «белых». К РПЦ присоединилось большое количество приходов в США, Канаде, Западной Европе, Австралии, что только подкрепило наднациональный статус Московского патриархата (Gan'zhin, 2007).

Таким образом, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» отчетливо просматриваются отдельные положения политического исихазма. Однако главная проблема заключается в том, в какой степени РПЦ следует своей социальной доктрине на практике.

3. Расхождения Московского патриархата с концепцией «политического исихазма»

Первым серьезным испытанием для церковно-государственных отношений в России стали массовые протесты российских граждан после сфальсифицированных парламентских выборов 4 декабря 2011 года. Массовые митинги и шествия насчитывали от 100 до 200 тыс. участников. Протестующие ожидали, что Церковь поддержит их мирные протесты и призовет к гражданскому неповиновению в соответствии с «Основами социальной концепции», так как государство понуждало православных ко греху – лжи (обман всех граждан относительно результатов выборов) и воровству (организованная кража голосов избирателей). Правящая партия, кроме этих грехов, узурпировала власть при поддержке президента и правительства. РПЦ на протяжении двух недель после начала протестов хранила молчание, как будто проявляя неуверенность в способности правящего режима сохранить власть. Затем выступил патриарх с призывом к гражданскому миру и согласию, что де-факто означало поддержку этому политическому режиму. Это вызвало разочарование среди верующих, ожидавших более независимого поведения со стороны церковных иерархов. РПЦ продемонстрировала свою полную зависимость от государства и столкнулась с постоянно растущей критикой со стороны мирян и отдельных представителей низшего духовенства.

Еще более возмутительной и противоречащей самой сущности христианства оказалась позиция РПЦ по отношению к российской агрессивной войне, развязанной 24 февраля 2022 года против Украины. Большинство населения Украины – не только единоверцы православных россиян, но и чада одной церкви – РПЦ. В своей риторике и церковные, и светские власти России называли украинцев «братьями по вере». Однако, российское высшее духовенство поддержало действия Кремля против своих «братьев» и своих чад. Уже после начала агрессии патриарх и высшие иерархи в своих выступлениях оправдывали войну и транслировали идеологемы кремлевской пропаганды (Karlovskiy, 2022). Высказывания председателя РПЦ публично осудили многие государственные и религиозные деятели. Австралия, Великобритания, Канада, Литва, Новая Зеландия, Украина, Чехия и Эстония ввели персональные санкции против патриарха Кирилла (Гундяева) за фактическое разжигание войны. Часть российского православного духовенства в начале войны подписали открытое письмо с призывом к прекращению войны. Ответом этот призыв стали штрафы и аресты служителей церкви, стоящих на антивоенных позициях (Romashenko, 2023). Такая позиция патриарха и высшего церковного руководства не соответствовала целевым установкам российского «политического исихазма». Вместо ойкуменизма и «вселенского православия» произошло отделение от РПЦ множества епархий и автономных церквей.

С первых же дней российского вторжения Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП) объявила о своем полном отделении от Москвы. Эту церковь все время существования независимой Украины, начиная с 1991 года, обвиняли пророссийской ориентации и деятельности в политических интересах Москвы (Muravs'kyu, 2022). С первых лет независимости в Украине появились еще две православные церкви – Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и привнесенная украинскими репатриантами Украинская автономная православная церковь (УАПЦ) (Yarema, 2007). Православные церкви во всем мире, следуя традициям, не признавали эти две новые церкви, продолжая евхаристическое общение только с УПЦ МП, которая длительное время оставалась доминирующей в Украине по количеству приходов и монастырей (Shumilo, 2020, s.154-212).

Ухудшение украинско-российских отношений и аннексия Россией Крыма в 2014 году привели к резкому росту негативного отношения к «московским попам». В 2015 году УПЦ МП передала два прихода в аннексированном Крыму под прямое подчинение Московскому патриархату, что фактически означало признание аннексии, хотя никакой потребности в признании не существовало – вся Украина считалась находящейся под управлением Московского патриархата. По этой причине патриарх Кирилл никак не отреагировал на аннексию, так как любая реакция с его стороны означала бы признание зависимости РПЦ от государственных границ и добровольный отказ от наднационального характера церкви.

В период президентства Петра Порошенко (2014-2019) была предпринята попытка примирить украинские православные церкви и объединить их в рамках новой единой Православной Церкви Украины (ПЦУ), которая получила от Константинопольского патриархата «Патриарший и Синодальный Томос предоставления автокефального церковного устройства Православной Церкви Украины»

(Mukhaleyko, 2019, p.476-499). Далеко не все православные приходы согласились присоединиться к ПЦУ. Однако, после начала российского вторжения более 600 общин Московского патриархата в Украине перешли под омофор Православной Церкви Украины (*Mitropolit Yepifaniy...*, 2022). По причине признания автокефалии РПЦ разорвала связи с Константинопольским патриархом. Следует подчеркнуть, что Константинопольская патриархия также придерживается исихастских традиций и претендует на вселенский статус в православном мире.

Фактически, Московский патриархат утратил всякое влияние в Украине и прервал общение с Константинопольским патриархом, официально именуемым «Его Божественное Всевятейшество Архиепископ Константинополя – Нового Рима и Вселенский патриарх». Кроме украинского православия, о своей автокефалии заявила Латвийская православная церковь, а Виленская и Литовская епархия РПЦ – о переходе в состав Константинопольской патриархии. Против войны публично выступили православные иерархи Латвии, Литвы, Эстонии и Польши. При поддержке светских властей, старающихся не вмешиваться в церковные вопросы, православные общины этих стран начали процесс перехода из-под юрисдикции Московского патриарха под омофор Константинопольской патриархии по примеру ПЦУ. После начала агрессии значительно возрос риск возобновления раскола между РПЦ МП и бывшей «Русской православной церковью за границей», так как иерархи этой церкви осуждают войну между братскими единоверными народами (*RPTs v Amsterdame...*, 2022). Следует ожидать, что в ближайшем будущем РПЦ утратит все свои приходы и монастыри в Европе и Северной Америке и сократится до внутрироссийской православной церкви. Незначительное число общин, вероятно, сохранится в автономной Китайской православной церкви в составе РПЦ и отдельные общины в Африке и Южной Америке.

Заключение

Таким образом, Русская православная церковь Московского патриархата, которая декларировала приверженность принципам «политического исихазма», на практике пришла к прямо противоположным результатам.

- 1) Вместо возвышения до статуса вселенской православной церкви, РПЦ утрачивает свое влияние за пределами Российской Федерации и постепенно скатывается к национализму и русскому партикуляризму.
- 2) В противоположность православному ойкименизму, Московский патриархат разорвал отношения с украинским православием, Константинопольской патриархией и многими другими православными церквями, разрушая тем самым единство православного мира.
- 3) Вопреки исихастским принципам независимости церкви от государства, приоритета Царства Божия над царством кесаря, Московский патриархат проявил полную зависимость от российского политического режима. Оправдание и даже идеологическое обоснование самых греховных и преступных деяний этого режима оттолкнули от РПЦ значительное число рядовых служителей церкви и мирян (*Voyna i Bibliya...*, 2022).
- 4) Декларируя приверженность наднациональному имперскому государству и наднациональной церкви, российские высшие иерархи поддерживают русские националистические движения и националистические парамилитарные организации (например, русские казацкие сообщества), что несовместимо с идеей многонационального государства, хотя византийские исихасты отвергали эллинистический национализм ради единства Римской империи.
- 5) Казалось бы, противостояние «коллективному Западу» должно сближать современный Московский патриархат с поздневизантийскими исихастами. Но следует иметь в виду, что последние ради чистоты православного вероучения готовы были сопротивляться прозападной политике императоров и пожертвовать своим государством, отказавшись от помощи западных католических лидеров. Высшее духовенство РПЦ, наоборот, впадая в грех и духовно деградируя, во всем поддерживает свое правительство и присоединяется к антизападной политике российского авторитарного политического режима, причем современный «коллективный Запад» представлен также и православными государствами – членами НАТО и Европейского Союза. Болгария, Греция, Румыния, Северная Македония, Черногория стали врагами России и «русского мира» (Ajrapetov, 2023). Именно с православными предками этих

современных наций византийские исихасты призвали императоров наладить союз и преодолеть политические разногласия ради защиты общей православной веры.

Вероятно, в период разработки и принятия «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» (1997-2001), когда политическая ситуация в России характеризовалась плюрализмом и попытками построения демократического открытого общества, русские православные богословы и высшее духовенство действительно стремились возродить исихазм и адаптировать его к современным условиям, что помогло бы церкви плодотворно исполнять свою миссию в быстро меняющемся секулярном мире. Очевидно, исихазм представляет собой уникальное учение, способное дать ответ на самые злободневные вызовы современности, касающиеся, прежде всего, человека, его сущности, его способности к спасению и богопознанию. Однако, по мере укрепления авторитарного режима, роста реваншистских настроений в российском обществе, коллективного ресентимента, индуцированного государственной пропагандой, Московский патриархат, вопреки своей социальной концепции, впал в зависимость от авторитарного режима и занялся идеологическим обслуживанием политической власти, что противоречит не только исихазму, но и самой сущности христианства.

Библиография

- Ajrapetov, O.R., (2023). *Balkany: novyj vrug Rossii i nachalo vojny vseh protiv vseh*. Regnum. <https://regnum.ru/article/2014460>, 12.08.2023 [Айрапетов, О.Р. (2023). *Балканы: новый враг России и начало войны всех против всех*. Regnum. <https://regnum.ru/article/2014460>, 12.08.2023].
- Aleksiy II, Patriarkh Moskovskiy i vseya Rusi. (2007). *Poslaniye arhipastyryam, pastyryam, monashestvyuyushchim i vsem vernym chadam Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v svyazi s podpisaniyem Akta o kanonicheskom obshchenii vnutri Pomestnoy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, nr 6 [Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. (2007). *Послание архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с подписанием Акта о каноническом общении внутри Поместной Русской Православной Церкви*. Журнал Московской Патриархии, № 6].
- Antonyuk, E. (2017). *Ot gonenyi k terpimosti. Kak Stalin pomirilsya so svyashchennikami*. Life. 3 sentyabrya. <https://life.ru/p/1040318>, 31.07.2023 [Антонюк, Е. (2017). *От гонений к терпимости. Как Сталин помирился со священниками*. Life. 3 сентября. <https://life.ru/p/1040318>, 31.07.2023].
- Berdyayev, N.A. (1990). *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moskva: Nauka [Бердяев, Н.А. (1990). *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука].
- Curley, M.M. (1927). *The conflict between Pope Boniface VIII and King Philip IV, the Fair*. Washington: Catholic University of America.
- Fioletov, N.N. (2000). *Ocherki khristianskoy apologetiki*. Klin: Khristianskaya zhizn' [Фиолетов, Н.Н. (2000). *Очерки христианской апологетики*. Клин: Христианская жизнь].
- Gan'zhin, S. (2007). *Obreteniye tserkovnogo yedinstva (vosstanovleniye kanonicheskogo obshcheniya vnutri Pomestnoy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi)*. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, nr 6 [Ганьжин, С. (2007). *Обретение церковного единства (восстановление канонического общения внутри Поместной Русской Православной Церкви)*. Журнал Московской Патриархии, № 6].
- Gradeva, R. (1990). *O nekotorykh problemakh formirovaniya osmanskoy sistemy upravleniya (XIV - nachalo XVI v.)*, [w:] *Osmanskaya imperiya: Gosudarstvennaya vlast' i sotsial'no-politicheskaya struktura*. (S.F. Oreshkova, Sost.). Moskva: Nauka. [Градева, Р. (1990). *О некоторых проблемах формирования османской системы управления (XIV - начало XVI в.)*, [w:] *Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура*. (С.Ф. Орешкова, Сост.). Москва: Наука].
- Halecki, O. (1930). *Un empereur de Byzance a Rome*. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie.
- Karlovskiy, D. (2022). *Patriarkh RPTS Kirill: molodyye rossiyane «sovershayut podvig», ubivaya ukrainitsev*. Ukrainskaya pravda. 3 aprelya [Карловский, Д. (2022), *Патриарх РПЦ Кирилл: молодые россияне «совершают подвиг», убивая украинцев*. Украинская правда. 3 апреля].
- Kassian (Bezobrazov). (2001). *Tsarstvo kesarya pered sudom Novogo Zaveta*. Moskva [Кассиан (Безобразов). (2001). *Царство кесаря перед судом Нового Завета*. Москва].

- Kerner, V.F. (2021). *Istoriya kanonizatsii svyatoj Tsarskoj sem'i v Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi v Rossii i za rubezhom. Tserkov'. Bogosloviye. Istoriya*, nr 2 [Кернер, В.Ф. (2021). *История канонизации святой Царской семьи в Русской Православной Церкви в России и за рубежом. Церковь. Богословие. История*, № 2].
- Lebedev, A.P. (2004). *Istoriya Greko-Vostochnoj tserkvi pod vlast'yu turok, kniga 2*. Sankt-Peterburg [Лебедев, А.П. (2004). *История Греко-Восточной церкви под властью турок, книга 2*. Санкт-Петербург].
- Litavrin, G.G., Medvedev, I.P. (1991). *Diplomatiya pozdnej Vizantii (XIII-XV vv.)*, [w:] *Kul'tura Vizantii XIII - pervaya polovina XV v.* Moskva: Nauka [Литаврин, Г.Г., Медведев, И.П. (1991). *Дипломатия поздней Византии (XIII-XV вв.)*, [w:] *Культура Византии XIII - первая половина XV в.* Москва: Наука].
- MacGillivray, N.D. (1971). *The Byzantine Reaction to the Second Council of Lyons*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Migunova, T.L., Romanovskaya, L.R. (2013). "Simfoniya vlastey" kak printsip vzaimootnosheniy mezhdu tserkov'yu i gosudarstvom. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Мигунова, Т.Л., Романовская, Л.Р. (2013). «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского].
- Mitropolit Yepifaniy rasskazal, skol'ko s nachala vojny tserkovnykh obshchin UPTs MP pereshlo v PTsU. (2022). Religiozno-informatsionnaya sluzhba Ukrainy. 04.06.2022. https://risu.ua/ru/mitropolit-epifanij-rasskazal-skolko-s-nachala-vojny-cerkovnyh-obshchin-upc-mp-pereshlo-v-pcu_n129889, 12.08.2023 [Митрополит Епифаний рассказал, сколько с начала войны церковных общин УПЦ МП перешло в ПЦУ. (2022). Религиозно-информационная служба Украины. 04.06.2022. https://risu.ua/ru/mitropolit-epifanij-rasskazal-skolko-s-nachala-vojny-cerkovnyh-obshchin-upc-mp-pereshlo-v-pcu_n129889, 12.08.2023].
- Muravs'kyu, O. (2022). *Yaka rol' Rosiys'koyi Pravoslavnoyi Tserkvy (RPTs) ta Ukrayins'koyi Pravoslavnoyi Tserkvy Moskovs'koho Patriarkhatu (UPTs MP) u «rozmyvanni» ukrayins'koyi derzhavnosti?*, [w:] *Perelom: Viyna Rosiyi proty Ukrayiny u chasovykh plastakh i prostorakh mynuvshynu. Dialogy z istorykaty, knyha 1*. (V. Smoliy, Red.). Kyiv: NAN Ukrayiny. In-t istoriyi Ukrayiny [Муравский, О. (2022). *Яка роль Російської Православної Церкви (РПЦ) та Української Православної Церкви Московського Патріархату (УПЦ МП) у «розмиванні» української державності?*, [w:] *Перелом: Війна Росії проти України у часових пластах і просторах минулини. Діалоги з істориками, книга 1*. (В. Смолій, Ред.). Київ: НАН України. Ін-т історії України].
- Mykhaleyko, A. (2019). *The New Independent Orthodox Church in Ukraine*, Comparative Southeast European Studies, nr 67 (4).
- Opredeleniye Osvyashchennogo Yubileynogo Arkhiyereyskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi ob «Osnovakh sotsial'noy kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi»*. (2000). Informatsionnyy byulleten' Otdela vneshnikh tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarkhata, nr 8 [Определение Освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви об «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»]. (2000). Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, № 8.
- Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi*. (2000). Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>, 31.07.2023 [Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. (2000). Официальный сайт Московского Патриархата: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>, 31.07.2023].
- Pashkin, N.G. (2006). *Vizantiyskaya delegatsiya na Zapade v preddverii Ferraro-Florentiyskogo sobora*, [w:] *Antichnaya drevnost' i sredniye veka*, vyp. 37. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta [Пашкин, Н.Г. (2006). *Византийская делегация на Западе в преддверии Ферраро-Флорентийского собора*, [w:] *Античная древность и средние века*, вып. 37. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета].
- Rapp, S.H. (2007). *Georgian Christianity*, [w:] *The Blackwell Companion to Eastern Christianity*. (K. Parry, Ed.). Oxford: John Wiley & Sons.
- Romashenko, S. (2023). *Gruppa svyashchennikov RPTS prizvala prekratit' vojnu v Ukraine*. Deutsche Welle. Politika. Rossiya. 01.03.2023. <https://www.dw.com/ru/gruppa-svjashchennikov-rpts-prizvala-prekratit-voynu-v-ukraine/a-60960423>, 03.08.2023. [Ромашенко, С. (2023). *Группа священников РПЦ призвала прекратить войну в Украине*. Deutsche Welle. Политика. Россия. 01.03.2023.

<https://www.dw.com/ru/gruppa-svjashhennikov-rpc-prizvala-prekratit-vojnu-v-ukraine/a-60960423>, 03.08.2023].

- RPTs v Amsterdame zayavila o razryve s Moskovskim patriarkhatom iz-za voyny v Ukraine. (2022). Radio Ozodi, 14 marta. <https://rus.ozodi.org/a/31751856.html>, 12.08.2023 [*РПЦ в Амстердаме заявила о разрыве с Московским патриархатом из-за войны в Украине.* (2022). Радио Озоди, 14 марта. <https://rus.ozodi.org/a/31751856.html>, 12.08.2023].
- Shumilo, S.V. (2020). *Obrazovaniye iyerarkhii UAPTs v 1990 g. i samozvannyyu «episkop» Vikentiy Chekalin. Tserkov' i vremya*, nr 3 [Шумило, С.В. (2020). *Образование иерархии УАПЦ в 1990 г. и самозванный «епископ» Викентий Чекалин.* Церковь и время. № 3].
- Smirnov, A. (2000). *Tserkov' prigrozila grazhdanskim nepovinoventiyem.* Nezavisimaya gazeta. 24.08.2000. https://www.ng.ru/politics/2000-08-24/3_church.html, 31.07.2023 [Смирнов, А. (2000). *Церковь пригрозила гражданским неповиновением.* Независимая газета. 24.08.2000. https://www.ng.ru/politics/2000-08-24/3_church.html, 31.07.2023].
- Soskovets, L.I. (2008). *Sovety po delam religii kak provodniki gosudarstvennoy politiki v otnoshenii tserkvi,* Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, tom 312, nr 6. [Сосковец, Л.И. (2008). *Советы по делам религии как проводники государственной политики в отношении церкви.*, Известия Томского политехнического университета, том 312, № 6].
- Tikhon Zadonskiy. (2023). *Nastavleniye khristianskoye, tom 5.* «Ni-ka». Sayt pravoslavnogo khristianina (Kiyev). <https://ni-ka.com.ua/nastavlenie-hristianskoe-t-5-tihon-zadonskij/>, 31.07.2023 [Тихон Задонский. (2023). *Наставление христианское, том 5.* «Ни-ка». Сайт православного христианина (Киев). <https://ni-ka.com.ua/nastavlenie-hristianskoe-t-5-tihon-zadonskij/>, 31.07.2023].
- Udal'tsova, Z.V. (1976). *Zhizn' i deyatel'nost' Vissariona Nikeyskogo.* Vizantiyskiy vremennik, tom 37 [Удальцова, З.В. (1976). *Жизнь и деятельность Виссариона Никейского.* Византийский временник, том 37].
- Vasil'yeva, O.Yu. (2001). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943-1948 gg.* Moskva [Васильева, О.Ю. (2001). *Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг.* Москва].
- Voyna i Bibliya, ili Kak Russkaya pravoslavnaya tserkov' odobryayet ubiystva* (2022). The Moscow Times. 14 dekabrya [Война и Библия, или Как Русская православная церковь одобряет убийства. (2022). The Moscow Times. 14 декабря].
- “*Vozobnovleniye molitvenno-kanonicheskogo obshcheniya mezhdu dvumia Pravoslavnyimi Tserkviami – Gruzinskoj i Russkoj*” (1944). Zhurnal Moskovskoj Patriarkhii, nr 3 [«*Возобновление молитвенно-канонического общения между двумя Православными Церквями – Грузинской и Русской.*» (1944). Журнал Московской Патриархии, № 3].
- Woodhouse, C. (1985). *The Rise and Fall of the Greek Colonels*, London.
- Yarema, R. (2007). *Tserkovnyye raskoly v Ukraine: pyatnadsatoy godovshchine Khar'kovskogo Arkhiyereyskogo Sobora Ukrainskoy Pravoslavnoy tserkvi posvyashchayetsya.* Ukrainskaya pravoslavnaya tserkov'. Kiev: Kiyevskaya mitropoliya [Ярема, Р. (2007). *Церковные расколы в Украине: пятнадцатой годовщине Харьковского Архиерейского Собора Украинской Православной церкви посвящается.* Украинская православная церковь. Киев: Киевская митрополия].
- Yubileynnyu Arkhiyereyskiy Sobor Russkoj Pravoslavnoy Tserkvi.* (2001). 13-16 avgusta 2000 goda. Materialy. Moskva [Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. (2001). 13-16 августа 2000 года. Материалы. Москва].